

ИТАЛЬЯНСКІЕ АРХИВЫ

И

ХРАНЯЩІЕСЯ ВЪ НИХЪ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ.

ФЛОРЕНТИНСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ.

В. МАКУШЕВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XVI-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1870.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

М. Базунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

А. Глазунова, въ С. П. Б.

Шиндлерса, въ С. П. Б.

Я. А. Мсакова, въ С. П. Б.

Н. Книмеля, въ Ригѣ.

А. А. Черкессова, въ С. П. Б.

Эноджинца и Коми., въ Тифлиси.

Цена 25 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1870 г.

Непрежѣнный Секретарь *К. С. Весселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ФЛОРЕНТИНСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ

И ХРАНЯЩИЕСЯ ВЪ НЕМЪ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ.

В. Макушевъ.

Центральный Флорентійскій архивъ учрежденъ въ 1852 году по указу Великаго Герцога Тосканскаго Леопольда II. При его учрежденіи имѣлись въ виду двѣ цѣли — административная и ученая: соединить и привести въ порядокъ различные архивы Флоренціи и облегчить ученымъ пользованіе хранящимися въ нихъ актами изданіемъ *Указателей* и *Описаній* (*Inventarii e Regesti*). Новая организація Флорентинскаго архива была возложена на извѣстнаго Итальянскаго ученаго, профессора *Франциска Бонаини*, который по совѣтамъ Ив. Фридр. Бёмера привелъ архивъ въ историко-хронологическій порядокъ, руководствуясь слѣдующими соображеніями: «Былъ необходимъ такой порядокъ, при которомъ сохранились бы въ неприкосновенности отдѣльные архивы», говорятъ г. *Бонаини* *). «Нужно было, чтобы каждый архивъ продолжалъ представлять особое учрежденіе, особое правительственное мѣсто (*magistratura*), а всё архивы вмѣстѣ были бы отраженіемъ исторіи Флоренціи и Тосканы: и такъ нужно

*) П *Regio Archivio Centrale di Stato in Firenze*. Quarta edizione con l'aggiunta degli Archivi riuniti dal 1855 al 1861. P. 4 — 5.

было искать въ самой исторіи разумнаго распредѣленія. Флоренція была сначала общиною (comune), потомъ монархическимъ государствомъ: отсюда дѣленіе Флорентинскихъ архивовъ на *республиканскіе* (Repubblica) и *монархическіе* (Principato)».

Архивъ помѣщается въ величественномъ зданіи «degli Uffizi», построенномъ Вазари и украшенномъ статуями знаменитыхъ Флорентинцевъ, у площади «della Signoria». Въ первомъ этажѣ, въ 15 залахъ, выходящихъ на улицу, помѣщаются архивы дипломатическій, республиканскій и Медичейскій (Mediceo): первый въ 3-хъ, второй въ 7 слѣдующихъ и послѣдній въ пяти (на Арно, съ южной стороны) залахъ. Въ семи параллельныхъ съ ними залахъ помѣщены (кромя архивовъ герцоговъ д'Урбино и вкзвезі Піомбино) архивы Лотарингскій и главныхъ правительственныхъ мѣстъ съ 1530 г. до Французскаго господства. Великолѣпная зала бывшаго Медичейскаго театра, украшенная портретами знаменитыхъ Флорентинцевъ, занята архивомъ художествъ и ремеслъ (gli Archivi delle XXI Arti). Въ остальныхъ пяти залахъ перваго этажа и 11 мецзанина (mezzapiano) помѣщаются архивы разныхъ государственныхъ учрежденій. Первые семь залъ нижняго этажа заняты архивомъ духовныхъ корпорацій, а остальные 15 финансовыми и юридическими архивами. Всего въ архивѣ 61 зала.

Въ апрѣлѣ 1868 года считалось всего въ государственномъ Флорентинскомъ архивѣ 126,631 дипломатическій документъ (древнѣйшій 716 г.; до 1000 г.—382, 1000—1300 гг.—31,760; позднѣйшій 1813 г.) и 263267 томовъ (изъ нихъ архиву республиканскому принадлежатъ 18,401 и монархическому, 1530—1808 г., 244,866).

Укажемъ на болѣе важные отдѣлы Флорентинскаго архива:

1. *Архивъ республиканскій.*

а) *Флорентинскіе статуты* съ XIII вѣка.

б) *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ (I capitoli del comune di Firenze)*. Указатель къ нимъ издаетъ секретарь архива, *Цезарь Гвасты* (I-й т. въ 1866 г.).

с) *Дипломатическая переписка: а) Signoria Carteggio*. Исто-

дѣлѣ (della Signoria. Prima Cancelleria) 1302—1532, 90 томовъ, — входящія (alla Signoria), 1309—1530, 49 т. — β) *Legazioni e Commissarie*: переписка съ своими и иностранными посланцами и комиссарами, 1393—1530, № 37. — γ) *Dieci di Balia e Otto di Pratica*. Въ отд. *Legazioni e Commissarie*—переписка съ посланцами и комиссарами: исходящія (De' X) 1384—1530, № 162, degli VIII,—1480—1527, № 72 и входящія A' X, 1395—1530, № 159,—agli VIII,—1480—1527, № 56.

2. Архивъ монархическій.

I. *Архивъ Медичей*: а) *Дипломатическая переписка великихъ герцоговъ и ихъ секретарей* (Carteggio de' Granduchi, Cart. de' Segretari granducali); б) *Донесенія Флорентинскихъ посланниковъ при Итальянскихъ дворахъ* (Negozii e Carteggio di Ministri e Residenti alle Signorie e Corti d' Italia); в) *Переписка съ иностранными дворами* (Negozii e Carteggi delle corti e stati esteri).

II. *Архивъ герцоговъ Урбинскихъ* (d'Urbino), перешедшій въ Тоскану по наслѣдству отъ Викторіи della Rovere, послѣдней представительницы этого дома и супруги Фердинанда II.

III. Собраніе сенатора Карла Строцци (*Miscellanea Stroziana*), приобрѣтенное Великимъ Герцогомъ Петромъ Леопольдомъ въ 1786 г., включаетъ кромѣ разныхъ реляцій и историческихъ сочиненій, много драгоценныхъ подлинныхъ документовъ; всего 381 томъ (filza).

Государственнымъ Флорентинскимъ архивомъ управляетъ почтенный Итальянскій ученый, проф. Ф. Бонаини, съ титуломъ Главноуправляющаго Тосканскими архивами (Soprintendente generale d. Archivi Toscani); имъ организованы подвластные ему архивы Пизы, Сіены и Луки, описанія коихъ составлены имъ-же. Ревностный сотрудникъ «Итальянскаго историческаго архива» (Archivio storico Italiano), онъ извѣстенъ, какъ издатель и комментаторъ Пизанскихъ статутовъ. Его сотрудникъ, первый секретарь Архива, Цезарь Гвастини, исполняетъ ученые работы по изданію Указателей и Описаній актовъ. Къ нимъ должно присоединить еще третьяго—молодого ученаго, чиновника-же архива,

*

ученика дипломатической школы, учрежденной при Архивѣ въ 1856 г. подъ руководствомъ проф. Карла Меманези, — г. *Салтими*, заявившаго о себѣ своими статьями въ изданіи Архива, «*Giornale storico degli Archivi Toscani*», выходившемъ въ свѣтъ въ 1857—1863 г.

Кромѣ «Историческаго журнала Тосканскихъ архивовъ», Указателей и Описаній архивныхъ актовъ, Флорентинскій архивъ издалъ «*Арабскія грамоты*», собранныя и объясненныя извѣстнымъ Итальянскимъ оріенталистомъ, проф. *Ассарни*, авторомъ «Исторіи Арабовъ въ Сициліи»: «*I diplomi Arabi del R. Archivio Fiorentino*». Firenze, Le Monnier, 1863, in 4°. Онъ же содѣйствовалъ къ изданію актовъ, касающихся сношеній Италіи съ Византіею, предпринятому профессорами Миклошичемъ и Миллеромъ: «*Acta et diplomata res graecas italiasque illustrantia e tabulariis Anconitano, Florentino, Melitensi, Neapolitano, Veneto, Vindobonensi*».

Этого мало: просвѣщенное начальство Флорентинскаго архива, памятуя завѣщаніе Леопольда II, радушно принимаетъ всякаго ученаго и своими совѣтами и указаціями содѣйствуетъ его трудамъ: достаточно упомянуть *Фикера* *) *Дежардена* **) и *Тейнера* ***).

Переходя отъ общаго къ частному, познакомлю читателей съ матерьялами для Славянской исторіи, хранящимися во Флорентинскомъ государственномъ архивѣ. Начнемъ съ нашего отечества.

I. Россія.

1. Въ двухъ донесеніяхъ Флорентинскаго посланника въ Миланѣ отъ 18 и 23 ноября 1493 г. (*Lettere missive e responsive*

*) *Ficker*: Die Ueberreste des Deutschen Reichs-Archives zu Pisa (Aus d. Sitzungsber. 1864 der K. K. Akad. d. Wiss.). Wien 1865, in 8°. — Urkunden zur Geschichte des Römerzuges Kaiser Ludwig des Baiern und der italischen Verhältnisse seiner Zeit. Innsbruck, 1865, in 8°.

**) *Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane, documents recueillis par G. Canestrini* (нынѣ директоръ бібліотеки Малья-Беккини) et publiés par Abel Desjardins. Paris. 1859. in 4°.

***) *Vetera monumenta, Savorum meridionalium historiam illustrantia. Romae 1867. in 8°. Vetera monumenta, Hibernorum et Scotorum historiam illustrantia, ex Vaticani, Neapolis ac Florentiae tabulariis deprompta etc. Romae. 1864. in 8°.*

degli Otto di Pratica, filza 147) говорится о посольствѣ, отправленномъ Иваномъ Васильевичемъ къ Миланскому герцогу Ивану Галеаццъ-Маріи и другимъ Итальянскимъ владѣтелямъ. Въ кредитивной грамотѣ, данной въ апрѣлѣ 1493 г. (7001), читаемъ: «Nos mittimus ad partes Italiae praecipue ad Excellentiam vestram Domesticos nostros Manuelem Doham et Danielelem Mamahevo propter quaedam negocia postra». 17 ноября послы прибыли въ Миланъ; на встрѣчу имъ былъ посланъ Антоній Маріа де Сансеверино. На слѣдующее утро они были приняты герцогомъ, которому вручили кредитивную грамоту, предложили отъ имени царя дружбу Россіи и поднесли дары, состоявшіе изъ мѣховъ, оружія и «зуба рыбы длиною въ локоть похожаго на слоновую кость» (uno girifalco bianco, cinque mazzi di zibellini di XL per mazo, una scimitarra et uno arco fornito, et uno dente di pesce che è lungo circa uno braccio, che pare d'avorio). Они отказались присутствовать на придворномъ празднествѣ вслѣдствіе несогласій въ церемоніалѣ: «они требовали предпочтенія передъ королевскимъ посломъ, говоря, что ихъ государь не только благороднѣе, но и сильнѣе вмѣстѣ взятыхъ королей Венгріи, Богеміи и Польши (volévano precedere allo orator Regio, che dicono il Signor loro oltre allo essere nobilissimo havere piu potentia, chel rè di Ungheria, Boemia e Polonia insieme)».

2. Въ XII-мъ картонѣ «Подлинныхъ актовъ» (*Documenti originali*) Медичейскаго архива находятся бумаги, касающіяся трехъ Русскихъ посольствъ во Флоренцію: первые два (1656 и 1659—1660) были отправлены Алексѣемъ Михайловичемъ, а послѣднее (1687 г.) Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами. Весьма характерны донесенія изъ Ливорно о пребываніи тамъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца Ив. Ив. Чемодапова съ большою свитою, въ которой находился и священникъ (1656 г.): въ нихъ описывается, какъ проводило время Русское посольство, представляется характеристика главныхъ лицъ, говорится объ ихъ одеждѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о предубѣжденіяхъ и суевѣріяхъ. При одномъ изъ донесеній приложенъ портретъ Русскаго посла. Какъ первое, такъ

и второе посольство (Вас. Тим. Постникова) были отправлены на дѣланіе торговымъ (Тосканцы особенно хлопотали о вывозѣ изъ Россіи икры); третье же (1687 г. того же Постникова) имѣло цѣлью склонить великаго герцога Тосканскаго къ союзу противъ Турокъ. При бумагахъ находятся двѣ подлинныя грамоты Ивана и Петра Алексѣевичей. Тутъ же рекомендація іезуиту Ивану Гримальди, отправлявшемуся въ Китай (1689).

3. Въ 25 картонѣ собранія Строщи (*Carte Stroziane, fiza 25, № 11: Scritture attinenti al Gran Duca di Toscana, Firenze e suo Stato*) я нашелъ письмо великаго герцога Фердинанда II къ царю Алексѣю Михайловичу, котораго титулуетъ Императоромъ (*Imperator, Caesarea Maiestas*), отъ 6-го мая 1663 г.; отпуская Ив. Аюан. Желябужскаго, онъ обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени отправить въ Россію своихъ пословъ.

4. Въ 313 картонѣ того же собранія находятся подлинныя письма Флорентинца, весьма близкаго къ Польскому двору, Филиппа Талдуччи къ кавалеру Ивану Бантисту Кончини графу *дела Пенна* во Флоренціи изъ Польши и Литвы 1578—1583, — новый источникъ для исторіи Ивана Грознаго. Содержаніе этихъ писемъ на столько любопытно, что я считаю безполезнымъ познакомиться съ нимъ читателей.

Въ первомъ письмѣ отъ 12 іюня 1578 г., изъ Кракова, упоминается о казни Подковы, «который владѣлъ уже всею Валахією», — казни, опозорившей Польскій народъ и причинившей королю нѣкоторыя замѣшательства (*cosa, che passa con poco honore di questa natione et con qualche carico del Re*); — говорится о приготовленіяхъ къ отраженію Крымскихъ Татаръ, объ ожидаемомъ прибытіи въ Люблинъ Московскаго посольства и о возобновеніи торговыхъ сношеній съ Данцигомъ.

Талдуччи препровождаетъ письмо, полученное имъ отъ достовѣрнаго лица (*persona degna di fede*), заключающее любопытныя подробности о казни Подковы. Уѣзжая изъ Варшавы въ Рову въ Мазовіи, — говорится въ этомъ письмѣ, — король приказалъ привести туда Подкову, бывшаго князя Валахіи, и содержать

его тамъ подъ стражею; отсюда его привели во Львовъ, куда прибыли чаушъ (Турецкій посолъ) и посланникъ Валашскій, поднесшій королю 50 быковъ, нѣсколько бочекъ вина и превосходную лошадь. Оба посла требовали головы Подковы. Въ понедѣльникъ, 16 іюня, рано утромъ король выѣхалъ изъ города, отправляясь, будто бы, на охоту. Передъ отъѣздомъ онъ отпустилъ изъ предосторожности чауша и приказалъ вооружить горожанъ и затворить городскія ворота; ибо ему внушалъ подозрѣніе необыкновенный наплывъ вооруженнаго народа, пришедшаго видѣть Подкову. По отъѣздѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, около 14-го часа былъ приведенъ на площадь несчастный князь (il misero Prinsere), но не съ связанными руками, по особой милости, дарованной ему по прочтеніи смертнаго приговора. Барабанный бой и неописанный шумъ народа раздавался на площади. Прошедши дважды по мѣсту казни, поглаживая бороду, посматривая на народъ, безъ боязни смерти, Подкова просилъ народъ утихнуть, и, когда водворилось спокойствіе, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Господа Поляки, я приведенъ на казнь, и не знаю за что, ибо не вѣдаю за собою никакой вины, заслуживающей такого наказанія. Знаю одно только, что я всегда сражался храбро и почтенно противъ враговъ христіанскаго имени и всегда старался о выгодахъ и пользѣ этого отечества нашего; быть оплотомъ противъ невѣрныхъ было постоянно моею мыслію, удержатъ ихъ въ границахъ ихъ и не дозволить имъ переправляться черезъ Дунай; но я не могъ привести въ исполненіе своей задушевной мысли, Богъ вѣдаетъ по какой причинѣ, преимущественно же по винѣ того, довѣрившись коему, я пришелъ сюда *); но надѣюсь на Бога, что онъ казнить измѣнника за невинную мою кровь. Знаю одно только, что я долженъ умереть отъ руки палача, ибо такъ приказалъ поганый песъ Турокъ вашему королю, своему слугѣ, а король вашъ—палачу. Смерть

*) По замѣчанію анонимнаго корреспондента, здѣсь подразумѣвается одинъ Русскій воевода (uno General de Russia), поручившійся, что Подковѣ не будетъ сдѣлано никакого зла въ Польшѣ.

миѣ ни по чемъ. Но помните, что не пройдетъ много времени, и вы не избѣжите моей участи, и по волѣ этого поганого пса будутъ отправлены въ Константинополь ваши имущества, ваши головы и головы вашихъ королей». Помолчавъ, онъ сталъ просить, чтобы не причиняли никакого зла восьми его слугамъ и товарищамъ, всегда храбро сражавшимся за республику, и дозволили имъ похоронить его тѣло. Въ народѣ былъ слышанъ плачь и ропоть; но не было возможности подать ему помощь. Онъ вышелъ за здоровье земляковъ чашу вина, поднесенную ему однимъ изъ его товарищей, еще два раза прошелся и подошелъ къ плахѣ. Замѣтивъ солону, посланную ему подъ ноги, онъ воскликнулъ: «Боже мой, неужели я недостоевъ преклонить колѣна на что-либо болѣе благородное», и съ этими словами приказалъ слугамъ принести изъ дому коверъ. Съ молитвою на устахъ, безъ боязни, онъ ждалъ смертнаго удара. Отрубленную голову его трижды показали народу. Народъ рыдалъ и ропталъ; но долженъ былъ смолкнуть передъ направленными противъ него дулами ружей. Слуги Подковы пришли къ тѣлу его голову, положили трупъ въ изготовленный имъ самимъ зеленый гробъ и отвесли въ ближнюю православную церковь. Казнь Подковы, прибавляетъ разсказчикъ, произвела всеобщее неудовольствіе и много повредила королю въ глазахъ народа.

Во второмъ письмѣ изъ Кракова же отъ 5 ноября 1578 г. Талдуччи сообщаетъ содержаніе письма изъ Вильны отъ 28 сентября: въ немъ говорится о *пораженіи Московскаго войска* (22,000 чел. съ 20 пушками большого калибра) *подъ замкомъ Киссонъ* (Kisson) въ Ливоніи соединенными силами Поляковъ (подъ начальствомъ Виленскаго палатина) и Шведовъ. По Польскому извѣстію, пораженіе было столь рѣшительно, что никто не избѣжалъ (non ne via campato testa) смерти или плѣна, исключая главнокомандующаго, спасшагося бѣгствомъ: 8 князей пало въ битвѣ, и 4 вмѣстѣ съ пользовавшимся большимъ уваженіемъ полковымъ писаремъ (lo scrivano del campo persona di grande stima) и 4 боярами (baroni di conto) взяты въ плѣнъ.

Въ третьемъ письмѣ оттуда же отъ 10 декабря того же года говорится о *прибытіи въ Польшу Московскаго посольства*. Оно на столько любопытно, что заслуживаетъ дословнаго перевода.

«Въ прошедшую среду прибыли сюда Московскіе послы, числомъ двое, ибо третій, главный изъ нихъ (*saro d'essi*) умеръ на границѣ королевства. Говорятъ, что причиною его смерти было жестокое наказаніе палочными ударами, которому подвергъ его Московскій государь передъ самымъ его отъѣздомъ за то (*fatto lo bastonare asprissimamente*), что изъ страха или по недостатку памяти онъ не сумѣлъ изложить передъ нимъ цѣль своего посольства къ Польскому королю. Послы прибыли сюда съ обыкновенною пышностью, на двухъ стахъ лошадахъ; главные изъ нихъ одѣты въ національныя, весьма богатая, одежды, но ихъ видъ не внушаетъ почтенія; можно бы было принять ихъ за переодѣтыхъ мужиковъ (*villani rivestiti*). Они были по принятому обычаю встрѣчены Поляками, и Северинъ Конарскій произнесъ отъ имени короля обычное привѣтствіе, сидя на конѣ; но прежде, чѣмъ онъ сталъ говорить, спорили долго о томъ, кто долженъ первый снять шапку, порѣшили сдѣлать это всѣ одновременно. Послѣ этого привѣтствія; ихъ отвели на квартиру, которая была столь дурна, что они стали жаловаться, но ихъ жалобы не были услышаны. Въ четвергъ разсуждали въ сенатѣ о томъ, какъ принять ихъ, а въ пятницу они были позваны на аудіенцію, на которую они отправились съ небольшою свитою и съ обычными подарками, состоявшими изъ нѣсколькихъ штукъ недорогихъ соболей, нѣсколькихъ посредственныхъ лошадей и Московской шапки, убранной жемчугомъ, которую держалъ въ рукѣ старшій посолъ. Была приготовлена публичная аудіенція, но король былъ въ ежедневномъ платьѣ. Вошедши въ залу, они сняли шапки, поклонились королю и тотчасъ же вновь покрыли головы. Послѣ чего главный посолъ снова снялъ шапку и произнесъ обычное привѣтствіе отъ имени своего государя, вычисливъ всѣ его титулы. Выслушавъ это привѣтствіе, король приказалъ кастеляну Троку узнать о здоровьѣ государя; но посолъ вмѣсто отвѣта спросилъ,

почему король самъ не освѣдомляется объ этомъ и почему онъ при имени государя не всталъ и не отдалъ почтенія. Ему было отвѣчено великимъ маршаломъ: потому что князь (Dusa) такъ же поступилъ съ Польскими послами; но Москвитяне увѣрили, что это неправда, и не хотѣли уступать, ни говорить о дѣлахъ, пока король не исполнитъ ихъ требованія, а потому были отпущены имъ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Ихъ отвели на квартиру и приставили къ нимъ добрую стражу. Такъ какъ они не хотятъ и, какъ говорятъ, не могутъ перемѣнить мнѣнія (*mutarsi d'opinione*), ихъ отправятъ въ Гродно, гдѣ будутъ содержать подъ доброю стражею, пока не выяснится, чему быть — войнѣ или миру...

Послы дѣйствительно были отведены въ Гродно, и король не хотѣлъ имѣть съ ними никакихъ объясненій.

При письмѣ отъ 12 ноября 1580 г. Талдуччи препровождаетъ переводъ письма кастеллана Виленскаго къ вице-канцлеру изъ Невеля отъ 15 октября того же года. По извѣстіямъ, имъ сообщаемымъ, Поляки, взявъ Великіе Луки, Невель и Озерки (*Ozeriski*), осадили Заволочу. Московскій Царь отказывается уступить Ливонію. Его послы предлагаютъ нѣсколько незначительныхъ Ливонскихъ замковъ въ замѣнъ взятыхъ Поляками Великихъ Лукъ, Велицы, Усвятъ, Невеля и друг.

Въ длинномъ письмѣ изъ Вильны отъ 17 іюня 1582 Талдуччи сообщаетъ разныя новости. Прежде всего онъ говоритъ о прибытіи въ Польскій лагерь 22 мая Бѣльскаго, отправленнаго царемъ въ Смоленскъ, и сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ перебѣщикѣ: «Ему всего только 22 года; умѣетъ хорошо говорить; онъ двоюродный братъ того самаго Бѣльскаго, который пользуется большою милостію великаго князя Московскаго. и съ 12-ти лѣтъ служилъ при дворѣ. О причинѣ его бѣгства не говорятъ, но предполагаютъ — дурное обращеніе царя съ приближенными. Его Вел. принялъ его ласково; на секретной аудіенціи онъ сообщилъ слѣдующее: великій князь Московскій, котораго они называютъ «Великимъ Государемъ (*Veliki Hospodar*), находится въ весьма тревожномъ состояніи и горячо желаетъ мира; онъ по-

ручилъ посламъ своимъ уступить всю Ливонію; но если Польскій король не согласится на эти условія, то онъ пошлетъ три корпуса: одинъ въ Смоленскъ, другой въ Новгородъ и третій въ Псковъ съ приказаніемъ однако держаться въ крѣпостяхъ; государь выжидаетъ движеній Польскаго Короля, намѣреваясь вторгнуться въ его владѣнія; за всѣми потерями, у него осталось не болѣе 10,000 солдатъ; казна его богата, особенно золотомъ и серебромъ, и онъ до крайности скупъ; говорятъ, что въ случаѣ пораженія, онъ намѣренъ бѣжать къ Бѣлому морю; старшаго своего сына онъ не любитъ и часто бьетъ палкою, младшій же, можно сказать, полоумный. «Совѣтуя Польскому Королю не медлить движеніями, Бѣльскій увѣрялъ, что въ Московскомъ Государствѣ много боярскихъ дѣтей искренно предавы Его Величеству и съ нетерпѣніемъ ждутъ его появленія въ ихъ странѣ, и при этомъ онъ переименовалъ тѣхъ, которые намѣрены бѣжать въ Польшу. Тотъ же Бѣльскій сообщалъ, что Татары, подданные Государя, начали возмущаться, но что онъ успокоялъ ихъ дарами; при всемъ томъ можно мало надѣяться на ихъ вѣрность.

За тѣмъ Талдуччи рассказываетъ о переговорахъ съ Московскими послами, которые послѣ долгихъ преній согласились на уступку Ливоніи, о прибытіи новыхъ войскъ изъ Польши и Венгрии вмѣстѣ съ королевскимъ племянникомъ, безбородымъ скромнымъ юношею, любимцемъ короля, и о взятіи въ плѣнъ двухъ Московскихъ лазутчиковъ, голова одного изъ коихъ была немедленно отправлена къ посламъ и т. п.

Отъ 31 января 1583 г. (изъ Вильны) Талдуччи извѣщалъ о заключеніи перемирія на 10 лѣтъ, по которому Польша приобрѣла Ливонію, а Россіи возвращены Великіе Луки, Заволоча и Невель; Себежъ долженъ быть разрушенъ, а Нарва будетъ принадлежать тому, кто первый ее займетъ (она была въ рукахъ Шведовъ).

Въ письмѣ отъ 12 мая 1583 г. Талдуччи увѣдомлялъ о возвращеніи на родину іезуита Посевина въ сопровожденіи Московскаго посла, отправляемаго къ Папѣ, и о намѣреніи ихъ посѣтить

на пути великаго герцога Тосканскаго. Судя по рассказамъ Посевина, Талдуччи надѣется на обращеніе Россіи въ католицизмъ.

Въ сохранившихся письмахъ Талдуччи находимъ указанія на затерянные. Видно, что онъ велъ съ Франціею постоянную переписку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; нельзя не пожалѣть, что она не дошла до насъ вполне.

5. Въ томъ же картонѣ того-же собранія находится *реляція Тартальяни, секретаря в. в. Тосканскаго, о заключеніи мира между Польскимъ королемъ и великимъ княземъ Московскимъ въ 1635 г.* (Relazione del Sig^r Tartaglin i Segretario di S. A. S^{ma} della pace fatta fra il Ré di Polonia e il gran Duca di Moscovia l'anno 1635).

Тартальяни доносилъ отъ 7-го мая 1635 г. о прибытіи въ Варшаву 4-го марта Московскаго посольства для скрѣпленія условій мира, заключеннаго «послѣ послѣднихъ побѣдъ, одержанныхъ королемъ подъ Смоленскомъ».

Пословъ было четверо, считая въ ихъ числѣ секретаря, принимавшаго участіе въ переговорахъ. Ихъ свита состояла изъ 50 дворянъ (nobili) и 400 слугъ; за ними слѣдовали болѣе тысячи людей, шедшихъ въ Польшу по собственнымъ дѣламъ. На разстояніи миль за Вислою они были встрѣчены Оссолинскимъ (братомъ Герцога) съ 200 шляхтичами. Послы были пышно одѣты. На лошадахъ, покрытыхъ бархатомъ и персидскою парчею сѣдла были украшены жемчугомъ и другими драгоценными камнями, а возжи изъ серебра. Шествовали послы по двое въ рядъ среди польскихъ дворянъ. За ними слѣдовали 100 кибитокъ, изъ коихъ посольскія были покрыты краснымъ бархатомъ и внутри обиты соболями, и багажъ на 200 телегахъ. Посламъ были отведены покои въ уяздовскомъ замкѣ, на ихъ содержаніе отпускалось 3000 флориновъ въ день. Черезъ четыре дня по прибытіи, они были приглашены на аудіенцію къ королю, на которой присутствовали сенаторы. За послами были отправлены кареты шестернею; ихъ сопровождалъ значительный отрядъ войска. На послахъ были парчевыя одежды, блиставшія золотомъ и жемчугомъ. Ихъ чер-

выя соболя шапки были также украшены жемчугомъ. Послы по очереди подходили къ трону, произносили привѣтствіе по Русски (in lingua Rutena), вручали вѣрительныя грамоты и подносили по парѣ соболей. По приказанію короля, имъ отвѣчалъ по Русски (in Ruteno) великій канцлеръ. За тѣмъ они были отпущены.

Черезъ четыре дня начались переговоры съ сенаторами. Послы требовали возвращенія акта объ избраніи Польскаго королевича на Русскій престолъ (della scrittura per l'elezione già fatta, quando era Principe di questo Ré a quel Gran Ducato). Получивъ отвѣтъ, что этотъ актъ затерянъ, они прервали переговоры и объявили, что возвращаются на родину. На слѣдующее утро посѣтилъ ихъ «*Monse-ge Gran Referendario di Lituania*» и предложилъ имъ вмѣсто затеряннаго акта всѣ возможные гарантіи, убѣждая ихъ отправить нарочнаго въ Москву. Его предложеніе было принято. 25 апрѣля возвратился нарочный, а 27-го, въ субботу, на королевской аудіенціи дѣло о затерянномъ актѣ уладилось. Въ слѣдующій четвергъ король и государственные чины клялись въ соборѣ св. Іоанна свято соблюдать условія мира и возвратитъ вышепомянутый актъ, буде онъ найдется.

Тартальяни говоритъ, что, когда архіепископъ Гнѣзненскій прибылъ уже въ храмъ и ожидали только короля и пословъ для начатія церемоніи, послы представили новыя затрудненія, требуя совершеннаго измѣненія клятвенной грамоты. Никакія убѣжденія не могли на нихъ подѣйствовать, а между тѣмъ уходило время, и Поляки теряли терпѣніе. Тогда призвалъ ихъ къ себѣ король и сказалъ имъ: «Въ случаѣ дальнѣйшаго упрямства, можете возвратиться во свояси, и я послѣдую за вами съ войскомъ до границы и тамъ дамъ клятву по своему.» Послы должны были уступить. Было уже два часа по полудни, когда началась церемонія.

Въ тотъ же день былъ пышный банкетъ у короля, продолжавшійся цѣлыхъ семь часовъ. Король, провозгласивъ тостъ за здоровье великаго князя, пригласилъ къ своему столу пословъ и подарилъ каждому изъ нихъ по золотому кубку, цѣною всѣ четыре

въ 400 Венгерскихъ червонцевъ. Блестательный фейерверкъ и иллюминація закончили этотъ торжественный день.

На слѣдующій день послы были приглашены на представле- ніе итальянской оперы (*tragedia Italiana, recitata in musica, con cambiamento di scene*); Юднѣ и Олофернѣ Въ субботу на про- щальной аудіенціи король подарилъ посламъ цѣивъ въ 700 Вен- герскихъ червонцевъ, а дворянамъ по 100, и двѣ кареты, обя- тья краснымъ и чернымъ бархатомъ, съ двумя перемѣнами ло- шадей. Сто придворныхъ повозокъ провожали ихъ до границы. «Кромѣ того, король дозволилъ имъ взять съ собою три труппы: великаго князя Московскаго и двухъ братьевъ, плѣненныхъ коро- лемъ Сигизмундомъ, его отцемъ, подъ самую Москву въ 1614 г., умершихъ естественною смертію въ Польшѣ и погребенныхъ въ часовнѣ, на этотъ конецъ построенной въ предмѣстьи Варшавы».

Въ слѣдующее воскресенье послы выѣхали изъ Варшавы, пе- реправившись черезъ Вислу у Праги. За ними слѣдовали три ко- ляски (*calessi*): въ первой, подъ парчевымъ балдахинномъ, укра- шеннымъ короною, былъ гробъ великаго князя, въ другихъ двухъ гробы братьевъ, покрытые золотою парчею. 30 православныхъ священниковъ верхами окружали гробы и пѣли псалмы Давидовы на ихъ языкѣ. Въ заключеніе тянулся длинный караванъ изъ 300 телѣгъ.

II. Польша.

Флорентинскій архивъ, подобно другимъ Итальянскимъ, пере- полненъ реляціями, письмами, записками и т. п. матерьялами о Польшѣ. «*Carteggio di Polonia*» (1541 — 1742) въ 4-хъ боль- шихъ картонахъ Медичейскаго архива содержитъ, кромѣ Флорен- тинскихъ донесеній, копіи Венеціанскихъ, письма Польскихъ коро- лей и государственныхъ людей, разнаго рода извѣстія (*avisi*), переводы Польскихъ бумагъ и сочиненій. Попадаются въ нихъ любопытныя извѣстія изъ Россіи времяъ Ивана Грознаго и Дмитрія Самозванца; но большею частію это хламъ, достойный истребленія. Среди этого хлама вниманіе мое обратила на себя одна записка анонимная, обнаруживающая виды Медичей на

Польшу: это. — *Avis aux Etats de Pologne sur l'eslection et designation d'un futur successeur au Ser-me Jean Casimir Roy de Pologne et de Suede* (Arch. Medic. filza 241). Послѣ длиннаго риторскаго предисловія авторъ обращается къ Полякамъ съ слѣдующею вкрадчивою рѣчью: «Je ne veux point pecher icy par la presumption d'aucune capacite que je m'attribue, mais l'affection et l'inclination que j'ay tousjours eue pour la prosperite et grandeur du Roiaume de Pologne, l'un des principaux boulevards de la Chrestienté contre les Barbares et infidèles, me donnent le courage et la hardiesse de Vous suivre et de tascher a faire les mesmes reflexions que Vous ferez, et de . . . partout, ou se porteront les vostres, pour contempler avec Vous celui dont vous pourrez faire les choix, pour succéder au très généreux Roy Jean Casimir, lors qu'il aura plu a Dieu d'en disposer après un règne de longues années que je luy souhaite. Et comme je ne doute pas que Vous ne fassiez une curieuse recherche dans toutes les provinces de l'Europe Chretienne afin de trouver un Prince qui Vous semble capable de soutenir la dignité roiale de Vostre Estat, et qui puisse lui être utile, je me persuade que Vous considererez exactement sous les Princesses d'Italie, et qu'entre eux Vous regarderez avec une très serieuse attention ceux de la maison de Medicis qui règnent présentement a Florence.»

Авторъ начинаетъ съ Россіи. «Quand vous passez en *Moscovie*», говоритъ онъ, «Vous ne voyez point que ce grand et vaste Empire puisse Vous donner un Roy; *la nation est trop brutale, mal civilisée et sans politesse*, et pour comprendre toutes les qualités en une seule, je diray avec Vous qu'elle est *barbare*. Vous sçavez qu' *il faudroit plus de quatre générations pour civiliser et rendre humaine la postérité d'un Moscovite transplanté*; encore restoit-il toujours quelque vestige de ferocité et des marques de la rudesse de la nation, qui outre les impressions et les vices dont ses moeurs sont entachées, est *non seulement scismatique, mais encore heretique* en plusieurs poinctz jusques à improuver et rejeter le baptesme qui se confere dans l'église Romaine poussée par une superstition deplorable et par une opiniastreté invincible: et

ainsi vous ne pourriez pas avoir l'espérance non pas mesme la pensée qu'en eslisant un des jeunes princes enfans du Czar aujourd'huy regnant, vous luy peussiez faire prendre la véritable teinture de la Religion Catholique, et de la civilité et politesse de vos moeurs. Vous ne croirez pas non plus que eslection d'un jeune Prince qui à peine est hors de l'enfance, qui a encore besoin de tuteurs et curateurs soit utile a votre Republique, qui demande un Roy qui en soit le chef et qui la gouverne, et non pas un enfant. Vous ne jugez pas aussi, et je le reconnois dans vos visages, que l'honneur que vous feriez au Czar et à son fils, peust convertir l'antipatie et la jalousie entre les Polonois et les Roux (sic!) en une amitié et bienveillance mutuelle. Vos interests et les leurs ne peuvent compatir ensemble, ni la forme de votre gouvernement Royal temperé pas l'aristocratie ne peut se conserver sous un Prince nay d'un père qui exerce *un empire despotique* sur les sujets qu'il traite come des esclaves, qui aporteroit avec luy cet *esprit altier et haustain*, que Vous sçavez tres bien estre la peste et la ruine des aristocraties. Vous vous souvenez des succes de l'eslection que firent les Moscovites du feu Roy d'heureuse et glorieuse memoire Vladislas VI pour estre leur Czar ou Empereur, lorsqu'il n'estoit encor que Prince de Pologne; elle n'establit en aucune manière la confiance entre vous et eux non plus que l'amitié; vous continuates en suite contre ces barbares, et vous suivistes les uns et les autres la naturelle aversion qui est entre vous, et vous agistes suivant la contrariété de vos inclinations et de vos interests; et quand mesme l'execution eust suivi, et que le Prince Vladislas eut esté mis sur le trosne de l'empire des Roux (sic!) dans la ville de *Moskow*, vous ne pouriez vous prometre une paix assurée, ni l'amitié des Moscovites.

«Je ne puis aussi me persuader que vous eussies de l'amour et de la veneration pour un Prince qui viendroit d'une nation, que vous ne pouvez pas seulement nommer sans indignation et horreur, lors que vous avez encor presentes devant les yeux les *cruautés et barbaries qu'elle a exercées contre vous* en ces guerres, qui

durent encore, et lors qu'en repassant par vostre memoire le siecle précédent, vous vous représentez avec tremblement et fraieur, qui fait glacer le sang dans vos veines, les *inhumanités execrables que le Czar Jean Basilides commit contre la Livonie* ou il reste encore des marques de son esprit barbare, furieux et impitoiable, qui par le fer et le feu reduisit cete province en desert.

Описавъ такимъ образомъ Россію, авторъ переходитъ къ Швеціи, Даніи, Австріи, Франціи, Испаніи и наконецъ говоритъ объ Италіи, останавливаясь преимущественно на домѣ Медичей, который одинъ во всей Европѣ могъ дать Польшѣ короля, какой ей былъ нуженъ.

Но кто былъ авторъ этой записки, и имѣетъ-ли она какую-либо связь съ видами Медичей на Польшу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ рукописи *библиотеки Мамлябекіаны* (Cl. XXIV. Cod. LIII, № 8): *Paolo Manucci, lettere al Principe Matias di Toscana in ragguaglio del negotiato fatto da esso nella corte di Polonia, in proposito della successione a quella corona che si trattava per il medesimo Principe*, 1649 и 1658 г.г.

Я не сомнѣваюсь, что авторомъ анонимной записки былъ этотъ самый *Павелъ Мануччи*, агентъ Матвѣя Медичи въ Польшѣ, мечтавшаго о наслѣдіи Ивана Казимира еще при его жизни.

Сношенія Польши съ Флоренціею уже въ началѣ XV вѣка были прочно установлены, какъ видно изъ документовъ, находящихся въ «*Lettere della*» и «*alla Signoria*». Письмо короля Сигизмунда отъ 3-го января 1510 г. къ Флорентинской общинѣ, находящееся въ собраніи «*Atti Publici del Comun di Firenze*», свидѣтельствуетъ, что въ то время въ Польшѣ пребывало много Флорентинцевъ, занимавшихся торговлею и разнаго рода промыслами и что нѣкоторые изъ нихъ находились на королевской службѣ. Въ числѣ бумагъ «*della Segreteria Vecchia*» Медичейскаго архива (filze 241, 244) я нашелъ нѣсколько реляцій, записокъ, путешествій и дипломатическихъ документовъ, касающихся Польши, 1587 — 1714. Изъ нихъ упомянемъ о *письмѣ Молдавнскаго посланника о состояніи Польши въ 1587 г.* (Lettera sopra lo stato della Polo-

nia e del consiglio degli Ottomani di muovergli guerra, scritta dall' Ambasciatore di Moldavia 1587, filza 241), — *O путешествие Маркиза Бевилаквы въ Польшу въ 1609 г.* (Lettere, Viaggio e Relazione del Marchese Bevilaqua nella sua spedizione in Polonia 1609 ibid.), объ «*Историческомъ разсказъ о Польскомъ посольствѣ къ Алексию Михайловичу 1668 г.*» (Narratio historica solemnem tum ingressum Illustrissimorum et Excellentissimorum dominorum Stanislai Casimiri Bienievis etc. Cypriani Brostovii etc. et Nicolai Schmellingii etc. a Serenissimo Johanne Casimiro Rege Poloniae etc. ad serenissimum Alexium Michaylovicium etc. missorum Legatorum Extr. in Metropolin Moscoviae etc. etc. continens. *Ex lingua Polonica in Latinam versa; Ser-mo Principi Cosmo Mediceo III Magno Hetruriae Duci Hamburgum ingredienti humillime oblato per Stanislauum de Lubieniecъ Lubieniecium Rolitsium Equitem Polonum 1668.*), и о *реляціи Лудовика Фантони отъ 12 января 1714* (Relazione di Polonia del Lodovico Fantoni 12 gennaio 1714), содержащей исторію Паткуля. И въ собраніи сенатора Строщи (*Carte Stroziane*) находимъ реляціи, рѣчи и разныя свѣдѣнія (*Notizie varie*) о Польшѣ XVI — XVII в.; напр. *Discorso di Orasio Spannocchi sopra l'interregno nel 1587* (filza 316, carta 106), *Relazio anonima 1624*, (filza 303, c. 1), *Polonia — Relazione del suo stato politico e militare del Cefali nel 1665* (filza 319, c. 125), и т. д.

III. Чехи.

По Чешской исторіи во Флорентинскомъ архивѣ мало матерьяловъ. Наиболѣе любопытные находятся въ «*Atti Publici del comune di Firenze:*» это 19 писемъ Чешскихъ королей къ Флорентинскому правительству, 1331 — 1526 г. 10 изъ нихъ, 1331—1333 г., относятся къ Итальянской кампаніи короля Ивана, а остальные — Чешско-Венгерскихъ королей конца XV и начала XVI вѣка — касаются войнъ съ Турками. Въ *Строщиановскомъ собраніи* находятся: *Giovanni Huss*, *Tre conclusioni erronee al consiglio di Costanza* (filza 236, c. 219), *реляція о состояніи католицизма въ Моравіи и Силезіи въ XVI в.* (filza 283, ch. 41), и мн.

ма Ивана Франциска Гвида къ в. герц. Фердинанду I и секретарю Велизарію Виктъ изъ Праги 1607—1608 г. (filza 90), и реляція о взятіи Праги императоромъ Рудольфомъ II 1611 (filza 283, ch. 100). Въ брошюрѣ «*della segretaria Vecchia*» въ числѣ «*Notizie varie*» есть «*Notizie e documenti relativi all'elezione fatta dai Voemi ribelli di Federigo Palatino in loro re l'anno 1619*, (filza 51).» Кромѣ того, въ перепискѣ «Синьорин» есть указанія на торговлю Флорентинцевъ въ Чехіи въ XV вѣкѣ.

IV. Сербы и Хорваты.

Немногочисленны, но важны хранящіеся во Флорентинскомъ архивѣ матерьялы для исторіи собственно Сербіи (Рапшкой, Rascia), Босны, Герцеговины, Далмаціи, и Ускоковъ; по Дубровнишской же исторіи мы имѣемъ непрерывный рядъ документовъ, — весьма важныхъ, — съ начала XIV до конца XVII вѣка.

Въ 1434 году отправился въ Сербію (Rascia) Флорентинецъ Яковъ де-Сан-Миньято за полученіемъ наслѣдства, оставшагося по смерти его двоюроднаго брата магистра Иеронима, бывшаго долгое время на службѣ Сербской въ качествѣ медика. По этому случаю Флорентинское правительство писало отъ 27 апрѣля 1434 г. Сербскому деспоту (Despoto Rascie): «*Hinc est, quod nos Vestre Celsitudini scribendum duximus in favorem prudentis viri ser Jacobi Magistri Johannis de Sancto Miniate. Fidem igitur indubiam Celsitudini vestre facimus per presentes, quod ser Jacobus antedictus fuit frater Germanus magistri Hieronymi medici, qui in vestro dominio atque terris diutius vixit atque mortuus est. Atque ea de causa nunc idem ser Jacobus lator presentium ad presentiam vestre Celsitudinis accedit, ut bona hereditaria ejusdem magistri Hieronymi fratris suis consequatur*». (Signori. Carteggio. Missive. I Cancelleria Registro XXXIII, fol. 87). Едвали можно допустить, что медикъ Иеронимъ де Сан-Миньято, послѣ долговременнаго пребыванія умершій въ Сербіи, составлялъ исключеніе изъ своихъ соотечественниковъ и въ качествѣ авантюриста зашелъ въ далекую (по средствамъ сообщенія того времени), невѣдомую страну, искать счастья. Онъ прожилъ въ Сербіи весьма долго (*diutius*), нажилъ

состояніе и не помышлялъ о возвращеніи на родину, ибо умеръ на чужбинѣ; слѣд. ему было тамъ хорошо. А если по смерти его отправляется туда за полученіемъ наслѣдства его двоюродный братъ, значитъ стоило зачѣмъ пускаться въ такой дальній путь. Самый тонъ рекомендательнаго письма Флорентинскаго правительства къ Сербскому деспоту показываетъ, что Сербія не была для Флорентинцевъ «невѣдомою» странною; а зная, что Флорентинская община была по преимуществу торговая и что, по несомнѣннымъ документамъ, она вела съ начала XIV вѣка торговлю съ Славянскимъ востокомъ черезъ Дубровникъ, нельзя не допустить, что промышленные люди Флорентинскіе бывали въ Сербіи и до, и послѣ Геронима де-Сан-Миньято, а особенно при немъ, безъ сомнѣнія, бывшемъ въ перепискѣ съ родственниками и знакомыми. Итакъ, не въ правѣ-ли мы заключать, что Флорентинцы въ началѣ XV вѣка (если не ранѣе) находились въ сношеніяхъ (если не иныхъ, то торговыхъ) съ собственною Сербіею?

Rinaldo degli Albizi, отправленный въ 1425 году посломъ къ императору Сигизмунду, въ Венецію, Феррару и Болонью, въ своемъ дневникѣ (*Ricordi di sue commissioni e lettere: Legazioni e Commissarie, Missive e Responsive, vol. 5*), рассказывая о путешествіи по Венгріи, пишетъ подъ 10 мая 1426 г. (л. 47): «проѣхъ того былъ тамъ на аудіенціи у короля Сербскій деспотъ, сильно возбуждавшій короля противъ Венеціанцевъ (et piu vi era il despoto di Rascia, che assai stimolava il Ré, che guerra si rompessi a Venetiani)».

Знаменитая Косовская битва, порѣшившая судьбу Сербскаго царства, не прошла незамѣченною въ Италиі: вѣсть о ней дошла и до Флоренціи. Въ отвѣтъ на письма Боснійскаго короля, извѣщавшаго о ней Флорентинское правительство, писало оно ему отъ 20 октября XIII индикт. 1389 г. (*Signori. Carteggio. Missive. Cancell. I Registro 21, f. 137*): «Хотя уже давно эта побѣда, свыше ниспосланная Вашему Величеству, была намъ хорошо известна (potissimum foret) частью по молвѣ, частью изъ многочисленныхъ писемъ, — побѣда, одержанная 15-го прошлаго іюня надъ безум-

нымъ гордецомъ Амуратомъ, который, насильно овладѣвъ Турецкимъ царствомъ, помышлялъ стереть съ лица земли христіанство и имя нашего Спасителя... и который безразсудно вторгся въ предѣлы нашихъ царствъ, и палъ, послѣ кровопролитнаго боя, на полѣ называемомъ Косовымъ, куда привелъ несмѣтныя тысячи воиновъ и двухъ своихъ сыновей, — тѣмъ не менѣе было для насъ славно и весьма пріятно узнать объ этомъ изъ царскаго вашего письма. Ибо намъ, правымъ христіанамъ, что могло быть пріятнѣе и славнѣе вѣсти объ этой приснопамятной битвѣ (*pugna illa sanctis memoranda temporibus*), въ которой пали толикія тысячи невѣрныхъ Троянцевъ съ самимъ страшнымъ вождемъ? Счастливо облитое кровью и костями усыпанное поле, на многіе вѣка сохранившее вѣчную память побѣды! Счастливо царство Боснійское, на долю коего выпало столь славное сраженіе и столь великая побѣда во имя Христа! Счастливъ и тотъ день — славной памяти священномученика Вита, въ который одержана побѣда надъ этимъ злѣйшимъ врагомъ. Счастливы и трижды — четырежды счастливы тѣ двѣнадцать бояръ воиновъ, которые, прорвавшись черезъ толпища враговъ и обозъ верблюдовъ, мечемъ прокладывая дорогу, стремительно достигли до шатра Амурата! Но болѣе всѣхъ счастливъ тотъ, кто мечемъ поразилъ вождя столь могущественнаго! и блаженны всѣ тѣ, которые славнымъ мученичскимъ образомъ, жертва мести за убитаго вождя, надъ его бездыханнымъ трупомъ, пролили свою кровь! Но всѣхъ счастливѣе Ваше величество, одержавшее столь славную приснопамятную побѣду», и т. д.

Это письмо, замѣчательное по сообщаемому въ немъ извѣстію о Косовской битвѣ, произшедшей, какъ видно изъ него, сильное впечатлѣніе въ Италіи, свидѣтельствуетъ между прочимъ о томъ, что въ концѣ XIV вѣка уже существовали дружественныя сношенія Босны съ Флоренціею, поддерживавшіяся перепискою между обоими правительствами.

Послѣ Косовской битвы Сербскія области одна за другою были покорены Турками. Очередь дошла и до Босны. Отъ 14 іюня

1463 г. Венеціанскій дожъ Христофоръ Моро писалъ Флорентинцамъ о паденіи Боснійскаго царства (*Registro delle lettere esterne alla Repubblica 1452—1468. X, f. 114—115*): «Жесточайшій и страшнѣйшій христіанскаго имени врагъ, Турецкій султанъ, побуждаемый жадностью и неумолимою ненавистью къ вѣрѣ католической, дошелъ до такой дерзости, что почти ни одинъ изъ христіанскихъ государей не хочетъ или не смѣетъ противустать его предпріятіямъ. Собравъ одиннадцать полковъ (copiis), съ столь многочисленнымъ войскомъ, онъ напалъ на само Боснійское царство и опустошилъ его въ конецъ: одни изъ жителей погибли въ страшныхъ мученіяхъ, другіе уведены въ полонъ, а остальные изъ страха разбѣжались; главныя и самыя сильныя крѣпости и города царства или завоевалъ силою или принудилъ къ сдачѣ. Огнемъ и мечемъ онъ занялъ почти все царство, оставивъ по себѣ развалины и потоки крови. Самого царя (не можемъ говорить объ этомъ безъ горести и безъ слезъ) онъ захватилъ въ плѣнъ и позорно съ нимъ обращается. Недовольствуясь такою побѣдою, онъ замышляетъ еще ббльшія и еще больше надѣется на свои силы: упоенный славою онъ не побоялся простереть свои опустошительныя набѣги до самой Сѣни, порта и вратъ Италіи».

пѣ. Въ депешѣ отъ 1-го сентября 1490 г. *Павелъ Антоніи Саберины*, Флорентинскій посланникъ въ Неаполѣ, извѣщалъ свое правительство, что по письмамъ изъ Сѣни, Венгерская королева подтвердила за *Иваномъ Корвиномъ* всѣ владѣнія, данныя ему покойнымъ его отцемъ, и снова уступила ему царство *Боснійско* (et di novo concessoli il regno di Bossina), *приносящее 12,000 дукатовъ доходу* (che vale 12,000 ducati), и назначила его баномъ Кроаціи, такъ что всѣ его доходы простираются до 40,000. (*Legazioni e Commiss. Miss. e Resp. vol. 19, f. 136*).

Въ 1457 году прибылъ во Флоренцію посланникъ *Степана Герцога Св. Саввы*, князь *Пубиславичъ* (Pubislavus comes et miles), и въ длинной и краснорѣчивой рѣчи (copiose et eleganter et cum maxima vehementia exposuit) изложилъ отеческія чувства (paterni affectus) «своего Государя къ Флорентинцамъ.» И ны

почитаемъ Вашу Свѣтлость,» пишутъ они Герцогу Степану отъ 27-го апрѣля 1457 г. (*Signori. Carteggio. Missive. I. Cancell. Reg. XL., f. 23*) за покровителя и почти отца нашего государства и купцовъ нашихъ.... къ чему побуждаемся толикими благодареніями и милостями, оказанными купцамъ нашимъ. (Et nos profecto Celsitudinem Vestram tanquam columnen et fautorem et quasi parentem civitatis ac mercatorum nostrorum, in honore habemus atque etiam colimus. Nam propter se ipsum hoc meretur, et nos vi cumulum beneficiorum a benignitate vestra in nostros mercatores collatorum sic facere debemus) Но, при всемъ желаніи угодить такому «благодѣтелю (benefactor)», Флорентинцы не дозволили его послу вывезти изъ Флоренціи безпошлинно желаемые имъ товары, опираясь на законы республики, и только уменьшили пошлины.

И этотъ документъ не столько важенъ по частному случаю, о которомъ въ немъ говорится, сколько по заключающемуся въ немъ свидѣтельству о Флорентинской торговлѣ въ Герцеговинѣ и о покровительствѣ ей Герцога Степана.

По миру, заключенному между Венеціею и Лудовикомъ королемъ Венгерскимъ 25 февраля 1358 г., Венгрія приобрѣла Далмацію. Съ извѣстіемъ о такомъ важномъ приобрѣтеніи Венгерскій король отправлялъ во Флоренцію посла съ письмомъ изъ Задра отъ 20 февраля (по всей вѣроятности, слѣдуетъ читать *марта*). Препровождая при немъ копію договора, заключеннаго съ Венеціею, король проситъ друзей своихъ Флорентинцевъ (*amici karissimi*) «*quatenus literas ipsas in terris et locis vestris legi et publicari permittatis.*» (*Sign. Carteg. Missive I. Cancell. Reg. XIII, ff. 22—23*). Этотъ важный договоръ, находящійся и въ извѣстныхъ книгахъ «*Rectorum*» Венеціанскаго архива доселѣ не изданъ: такого слова не замѣтилъ г. Шафарикъ! Этотъ договоръ рѣшаетъ между прочимъ (помимо другихъ документовъ) самымъ положительнымъ образомъ доселѣ спорный вопросъ объ отношеніяхъ Дубровника къ Венеціи: въ немъ ясно различаются города и острова, коиими владѣли Венеціанцы въ Далмаціи, и тѣ,

которыми они только *управляли*. Касательно послѣднихъ читаемъ въ немъ слѣдующее постановленіе: « De terris autem et locis, *que in nostra potestate non essent, sed regerentur per Rectores nostros, revocare et retrahere - quos libet Rectores et officiales et gentes quaslibet nostro nomine ibidem existentes seu residentes* ». Къ нимъ принадлежала упоминаемая въ договорѣ Дубровницкая община съ ея городами и островами, управлявшаяся добровольно призванными Венеціанскими графами. И такъ вотъ различіе въ отношеніяхъ общинъ Далматинскихъ и Дубровницкой къ Венеціи: первыя были *подвластны* Венеціи, послѣдняя была *управляема* ея нобиліями съ титуломъ графовъ. Это различіе весьма точно и подтверждается какъ Венеціанскими, такъ и Дубровницкими документами.

Есть указанія, что торговыя сношенія Флоренціи съ Далматинскими общинами и Хорватскимъ приморьемъ (Рѣкою и Сѣмью) существовали уже въ XIII, если не въ XII вѣкѣ; *) но во Флорентинскомъ архивѣ не сохранились акты раньше начала XIV-го.

Въ перепискѣ Синьоріи я нашелъ нѣсколько документовъ XIV—XVI вв., касающихся торговли Флоренціи съ Рѣкою, Фрачипанами и Задромъ. Черезъ Рѣку шли Флорентинскіе товары въ Венгрію, гдѣ Флорентинцы издавна пользовались особымъ покровительствомъ. Въ Рѣкѣ были Флорентинскіе торговые дома великіе большія дѣла. Позднѣе они вели прибыльную торговлю съ ускоками. Товары, предназначенные въ Венгрію и Далмацію, отправлялись караванами изъ Флоренціи въ Анкону, а оттуда моремъ на корабляхъ. О торговлѣ съ Дубровникомъ скажемъ ниже.

Въ 8-мъ картонѣ входящихъ бумагъ Синьоріи (*Signori, Carteggio. Responsive. Originali*. filza 8, №№ 32, 34 и 84) находятся

*) По свидѣтельству Дубровницкаго историка, Ю. Растичи, пользовавшагося весьма добросовѣстно актами архива, Дубровничане въ 1168 г. заключили торговый договоръ съ Пизою, а въ Пизанскомъ архивѣ хранится доселѣ договоръ Задра съ Пизою отъ 28 марта 1168 г., сообщенный мнѣ главноуправляющимъ Тосканскими архивами, г. Бонаинни. Трудно предположить, чтобы Дубровничане и Далматинцы, торговавшіе съ Пизою, не заходили въ сосѣднюю Флоренцію.

три любопытнѣйшихъ письма изъ Задра отъ 1403 г., два — секретаря Венгерскаго Короля *Маттея de San Miniato* отъ 11 и 30 іюля и одно *Галеота* (іюль) — о коронаціи короля Владислава въ Задрѣ и о содѣйствіи Воеводы Хервон къ возведенію его на Венгерскій престолъ: письма эти, на сколько имѣ помнитсѣя, изданы въ первой серіи «Историческаго Итальянскаго архива (Archivio Storico Italiano).»

Упомянемъ еще объ одномъ любопытномъ документѣ, находящемся въ 31 томѣ переписки «*X di Balia. Carteggio. Responsive* (f. 256)»: это «*Copia del obbligo facto per li oratori de la Sanctissima Lega al conte di Segna, accioche habbi causa di rompere alla Signoria di Venetia, et in questa sententia ha facto il breve Nostro Signore.*» Roma 30 Giugno 1484. Франчипанъ, графъ Сѣни, дабы возвратить отнятую у него Венеціанцами Велью, отправилъ къ Папѣ посла съ просьбою принять его въ лигу и содѣйствовать ему къ возвращенію этого острова. Его желаніе было охотно исполнено, и послы лиги увѣщевали его, «*ut nunc totis viribus Venetos invadat: convenitque ipsos non modo a Vegla proprio patrimonio rejicere, verum etiam et alias eorum res hoc justo bello acquirere. Nam nunquam Domini nostri vobis deerunt...*» Объ этомъ посольствѣ Сѣньскаго графа сохранились свѣдѣнія въ депешахъ Флорентинскаго посланника при Папѣ, *Гвидантонія Веспуччи*.

Должно сказать вообще, что въ депешахъ Флорентинскихъ посланниковъ въ Римѣ, Неаполѣ, Венеціи, Венгріи, Миланѣ и Генуѣ разбросаны любопытнѣйшія свѣдѣнія о Сербсахъ и Хорватахъ въ XV вѣкѣ. Особенно же важны эти депеши для характеристики политики Итальянскихъ государствъ на Востокъ въ эпоху завоеванія Славянскихъ и Греческихъ областей Турками. Но нужно имѣть много времени, чтобы собрать эти свѣдѣнія, ибо депеши одного и того же посланника изъ одного и того же города и одного и того же времени разбросаны по картонамъ «*Lettere alla Signoria*», «*X di Balia*» «*Otto di Pratica*» и «*Legazioni.*»

Въ 27 cartonѣ бумагъ сенатора Строцци (*Carte Strozzi*)

fila 271) находится неизданная «*Исторія ускоковъ*» незнакомнаго автора.

Авторъ зналъ труды Задарскаго архіепископа *Минуччио Минуччи* и *Паула Сарти*; но онъ былъ ими недоволенъ, находя въ нихъ много преднамѣренной лжи, вставленной Венеціанскою цензурою. «Я видѣлъ автографъ архіепископа», говоритъ авторъ (л. 56), «сообщенный мнѣ кавалеромъ Андреемъ, его братомъ; но не нашелъ въ немъ того, что приписываютъ ему въ отношеніи ускоковъ; напротивъ онъ говоритъ умѣреннымъ тономъ, но, будучи Венеціанскимъ подданнымъ, онъ умалчиваетъ о томъ, что служитъ въ ихъ похвалу, вопреки долгу историка... авторы этого сочиненія въ печати (li autori di detta opera in stampa т. е. венеціанскіе цензоры) вычеркнули все, что было хорошаго и лучшаго и прибавили, по собственному усмотрѣнію, все, что могли въ посяганіе ускоковъ (hanno castrato il buono et meglio et hanno aggiunto quello é passo loro tutto a vituperio di Scochi).» Того же мнѣнія онъ и о продолжателѣ Минуччи, *Фра Павло Сарти*. Читая и слушая самыя превратныя понятія объ ускокахъ, которыхъ изображали разбойниками, морскими корсарамъ, и зная, что *все это неправда* (cosa certo molto lontana dal vero), авторъ считъ обязанностью *честнаго и справедливаго человека* (cosa molto honesta et alla guisticia congiunta) принять на себя защиту ускоковъ и изложить ихъ исторію, *между коими онъ провелъ много времени и обладалъ необходимыми свидѣніями объ ихъ нравахъ, образѣ жизни и религіи* (havendo io molto tempo in quelle parte conversato, et havendo de costumi, de la vita e della loro religione quella intelligenza, che a tal fatto si richiede. «Пусть никто не думаетъ, продолжаетъ авторъ въ своемъ предисловіи,» что мною движетъ корысть (interesse); *единственный двигатель мой—правда* (verita), которую я считъ долгомъ высказать, *какъ человекъ близко знакомый съ дѣломъ и имѣвшій неоднократно случай получать вѣрныя свидѣнія* (come homo bene informato, che sono io, et ho havuto più occasione di cavarne qualche fidata notitia).»

Но кто былъ этотъ неизвѣстный зацѣтнякъ ускоковъ, и на сколько можно вѣрить ему? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ помѣщенъ въ самой «Исторіи ускоковъ (*Historia degli Uscocchi*).»

Она изложена въ формѣ діалога между Иваномъ (авторомъ) и Автономъ и начинается такъ:

«Зная, что вы долгое время жили въ Рѣку (Fiume), Стини и Далмации, я желаю бы узнать отъ васъ нѣкоторыя подробности» и т. д.

Говоря о торговлѣ Флорентинцевъ въ Стини, авторъ прибавляетъ (л. 7); «я видѣлъ на домахъ и на гробницахъ гербы многихъ дворянскихъ фамилій, какъ то: Стропци, Сальвиати, Пасквини, Джакомини, Альтонити, дель-Бене и др.»

Приступая къ описанію обычаевъ ускоковъ, авторъ говоритъ «я имѣлъ дело (ho praticato) съ этимъ народомъ съ 1574 по 1621 г. и частью лично, частью изъ писемъ вѣрныхъ друзей знаю о томъ, что случалось (л. 9).»

Авторъ былъ знакомъ съ извѣстнымъ ускоцкимъ воеводою, Юриемъ Даничичемъ, съ его тремя сыновьями и дочерью (л. 11).

На л. 15 читаемъ слѣдующее любопытное извѣстіе:

«Въ августъ 1580 года я возвратился въ Рѣку съ острововъ Раба, Папа и Велии, на которыхъ провелъ 19 дней. Я шелъ съ кораблемъ, нагруженнымъ хлѣбомъ изъ порта Фермо, гдѣ жилъ мой дядя. Онъ уже больше сорока лѣтъ содержалъ въ Рѣкѣ торговый домъ, при которомъ находился мой братъ больше 20 и я больше 10 лѣтъ. Во все это время мы снабжали городъ Стини зерновымъ хлѣбомъ, виномъ и оливковымъ масломъ, большею частью въ долгъ, такъ что постоянно были кредиторами 6 — 8 — 10 тысячъ дукатовъ... Въ 1580 г. мой дядя въ Фермо купилъ 60,000 старъ зерноваго хлѣба, который весь я продалъ въ австрійскія и эрцгерцогскія владѣнія. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ пришло приказаніе Его Святѣйшества объ уплатѣ нами ускокамъ субсидій (2,400 скудовъ въ годъ), и такъ какъ братъ мой возвратился въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ Марки, то мнѣ пришлось отпра-

виться въ Сѣнь для выдачи субсидій за первое полугодіе. За мною пришелъ Юрій Даничичь съ двумя братьями и многими капитанами и солдатами, числомъ 300, и въ ночь, предшествовавшую рождественскому кануну, мы отправились изъ Рѣки... и ночью прибыли въ Новый въ Винодолѣ, гдѣ ужинали въ одной церкви... Съ заходомъ луны мы снова сѣли на барку и отправились въ Сѣнь, куда прибыли на зарѣ. Насъ встрѣтило все дворянство и воины съ большою почестью, при многочисленныхъ выстрѣлахъ... Я остановился у Сѣньскаго епископа и, призвавъ приходскихъ священниковъ, потребовалъ отъ нихъ, согласно желанію Его Святѣйшества, списка бѣдныхъ для раздачи имъ милостыни. Въ день «Невинныхъ (Nocenti)» я выдалъ субсидіи ускокамъ въ количествѣ, назначенномъ въ Римѣ, а именно: Юрію Даничичу 72 скуда въ годъ, другимъ менѣе—до 50... Я прожилъ тамъ (въ Сѣни) восемь дней среди веселья, празднествъ и шпротъ, и хотя *мнѣ было только 22 юда*, мнѣ не нравилась жизнь по образцу *Нѣмцевъ* (*vita alla Tedesca*), *которые по 8 и 10 часовъ сидятъ за столомъ*, и я рѣшился возвратиться въ Рѣку... куда меня проводили тѣже Даничичь и воины.

«Въ 1583 году я возвратился на родину,» говоритъ авторъ (л. 27), «а черезъ годъ мой братъ вернулся въ Рѣку.»

Въ 1592 году Асан-баша боснійскій, ренегатъ родомъ изъ Пави, съ сорокатысячнымъ войскомъ напалъ на Рѣку, намѣреваясь также разорить Винодолѣ и покорить ускоковъ; но былъ ими разбитъ и обращенъ въ бѣгство.

Въ это время авторъ, *находясь по собственнымъ дѣламъ во Флоренціи*, получилъ отъ одного изъ своихъ пріятелей *письмо, содержащее подробности этого дѣла*. «Письмо это я показавъ сенатору Лаврентію Гвиччардини, который просилъ меня дать ему копию и, получивъ ее, *тотчасъ отнесъ къ Великому Герцогу*. Его Свѣтлость послалъ за мною своего камергера съ тѣмъ, чтобы я принесъ ему самое письмо. Оставшись имъ доволенъ, онъ сказалъ мнѣ: «*вы получили болѣе обстоятельныя извѣстія, чѣмъ я*», и просилъ меня сообщать ему замѣчательныя извѣстія, пока

я буду въ этомъ городѣ. Я обѣщаль и исполниль обѣщаніе, сообщая ему письма, полученныя мною отъ старыхъ друзей (л. 28 — 29).»

Въ 1604 году, находясь въ *Задру*, авторъ присутствовалъ при свиданіи Венеціанскаго генерала Ивана Габріелли съ санджакомъ Лакки по пограничнымъ дѣламъ (л. 17).

На л. 69 читаемъ: «*Въ Стини, Рикъ, и на Велии я знавалъ дворянскія флорентинскія фамиліи, Кастелли, дель-Бене, Стради, Спильяти ди Фаликая, Джакомини, переселившіяся сюда по изгнаніи Гибеллиновъ изъ Флоренціи.*»

Вотъ все, что мы знаемъ о неизвѣстномъ авторѣ изъ его «Исторіи ускоковъ». Изъ его сообщеній слѣдуетъ, что онъ родился въ 1558 году, что 1574—1621 г. онъ провелъ въ Далмаціи и Кроаціи, совершая отъ времени до времени путешествія въ Фермо и Флоренцію по собственной надобности и по дѣламъ своего дяди, имѣвшаго съ 1540 года торговый домъ въ Рѣкѣ и ведшаго значительныя дѣла съ Австрійскими и эрцгерцогскими владѣніями и съ ускоками, которымъ по приказанію Папы выдавалъ назначенныя Его Святѣйшествомъ субсидіи. Постоянныя сношенія съ ускоками, между которыми онъ имѣлъ друзей и знакомыхъ доставляли ему возможность имѣть вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что происходило у нихъ.

Самъ авторъ различаетъ два источника, изъ которыхъ онъ черпалъ свѣдѣнія для своей «Исторіи»: собственные опытъ и наблюденія и рассказы и письма вѣрныхъ друзей и достовѣрныхъ лицъ. Изъ такихъ источниковъ могла произтекать только правда и истина.

Отзывъ великаго герцога Тосканскаго объ извѣстіяхъ, сообщенныхъ ему нашимъ авторомъ, имѣетъ великую цѣну въ нашихъ глазахъ.

Но, имѣя возможность получать вѣрныя свѣдѣнія, оставался ли онъ въ своей «Исторіи ускоковъ» вѣренъ имъ, — иначе былъ ли онъ безпристрастенъ? На вопросъ отвѣчаемъ вопросомъ: была-ли нужда итальянскому купцу изъ Фермо, принадлежавшему къ боль-

шому торговому дому, пользовавшемуся довѣріемъ Папы, кривить душою и склонять вѣсы правосудія въ ту или другую сторону? Онъ не принадлежалъ къ людямъ политическимъ своего времени, и родина его не имѣла никакого дѣла до ускоковъ. Просто и искренно, безъ всякихъ притязаній, онъ рассказываетъ то, что видѣлъ или слышалъ объ ускокахъ.

Познакомимъ теперь читателей съ планомъ и содержаниемъ «Исторіи ускоковъ». Авторъ не придерживался строгой системы въ изложеніи, что ему позволяла избранная имъ форма діалога: описаніе и исторія у него перемежались. Начинаетъ онъ съ описанія Сѣни и ея округа (л. 2—3); затѣмъ рассказываетъ ея исторію съ 1481 г. (л. 4) и говоритъ, что папы Левъ X, Климентъ VII и Левъ VI старались объ укрѣпленіи Сѣни, этого «*progrugnaculo al Turco, antimurale all' Italia*» (л. 4—5). На л. 6 переходитъ къ описанію Киссы и завоеванія ея Турками въ 1537 году. Потомъ опять возвращается къ Сѣни и говоритъ о торговлѣ въ ней Флорентинцевъ: Сѣнь, по его словамъ, была тѣмъ же для нихъ въ отношеніи Венгрія, чѣмъ Неретва (Агенте читай: Narente) въ отношеніи Босны (л. 7). Вслѣдъ за тѣмъ замѣчаетъ, что Венеція грабежи своихъ подданныхъ сваливала на ускоковъ, и говоритъ о службѣ ускоковъ у Фуентеса и въ Италіи, гдѣ ускоцкіе всадники были извѣстны подъ именемъ *sarpetletti* (л. 7—8).

Папа Григорій XIII давалъ ускоцкимъ главарямъ ежегодныя субсидіи въ 2000 скудовъ и милостыню бѣднымъ селянамъ въ 400 (л. 11). Въ то время ускоцкимъ воеводою былъ *Юрій Дамичъ*, пользовавшійся большимъ вліяніемъ между своими и внушившій Туркамъ такой страхъ, что вошелъ у нихъ въ поговорку, подобно Скандербегу. Слово его было свято, а слава столь велика, что императоръ даровалъ ему и его главнымъ сподвижникамъ дворянство. Уроженецъ Босны, молодымъ человѣкомъ онъ переселился въ Сѣнь, участвовалъ въ походахъ ускоковъ на Турокъ, и здѣсь женился на одной дворянкѣ: отъ нея имѣлъ трехъ сыновей и одну дочь. Избранный ускоками въ воеводы и утвержденный въ этомъ званіи императоромъ Фердинандомъ, онъ безпрестанно тре-

вожигъ Турокъ, особенно на Неретвѣ, куда приходили богатые караваны изъ Босны. Турки обвиняли Дубровничанъ въ подстрекательствѣ ускоковъ и грозили разрушить ихъ городъ. Желая отдѣлаться разомъ и отъ Турокъ и отъ ускоковъ, Дубровничане пригласили къ себѣ на свиданіе для переговоровъ будто о важныхъ дѣлахъ и убили Даничича вмѣстѣ съ семью товарищами. Сынъ его Юрій, признанный воеводою, въ отмщеніе за смерть отца отправился съ нѣсколькими вооруженными судами противъ Дубровничанъ и захватилъ въ морѣ ихъ суда, предалъ мученической смерти весь экипажъ, а суда потопилъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіи 25 лѣтъ не было пощады Дубровничанамъ, искавшимъ откупиться пѣною 20 тыс. дукатовъ, и только папѣ Григорію XIII удалось ихъ примирить (л. 12—15).

Великую услугу оказали ускоки Имперіи, Венеціи и всей Италіи, охраняя ихъ отъ вторженій Турокъ (1478 — 1479, 1481, 1499 г.г.). «Можно сказать», прибавляетъ авторъ, «что Сѣнь и Карловцы суть два ключа къ Италіи (л. 16).» Графы Зрини и Франчипани—главные покровители ускоковъ.

Отъ Сѣньскихъ ускоковъ авторъ отличаетъ ускоковъ Венеціанскихъ острововъ, Вельи, Раба, Пага и Задарскихъ и Шебеницкихъ острововъ: это настоящіе пираты (л. 17).

Ускоки славились въ Италіи большимъ ростомъ, силою и скороходствомъ. Жена великаго герцога Фердинанда, Христиана, выписала четырехъ ускоковъ, которыхъ поселила во Флоренціи и женила (л. 18—19).

На л. 19 авторъ описываетъ одежду ускоковъ.

Ускоки мстятъ Венеціанцамъ набѣгами на ихъ острова за безпокойства, причиняемыя имъ галерами. Эрцгерцогъ платитъ ускокамъ жалованье, но его чиновники выдаютъ имъ только треть наличными деньгами, а двѣ трети натурою. Ускоки могутъ выставить 1200 воиновъ; въ случаѣ надобности къ нимъ присоединяются жители Оточпа (Otociaz), Винодола, Бриньи, Постои и Берлега—Сѣньскаго графства, и даже Карлштадта: такимъ образомъ число ихъ превышаетъ 2000.

Въ 1575 году ускоки (числомъ 250) взяли самый большой корабль Венеціанскій Контарини, нагруженный дорогими товарами, съ 300 солдатами, возвращавшимися съ Кандіи: конфисковавъ товары Турокъ, Жидовъ и Дубровничанъ и лишивъ сихъ послѣднихъ жизни, они возвратили Венеціанцамъ корабль съ остальнымъ грузомъ и экипажемъ, исключая Турокъ и Жидовъ, которыхъ увели въ рабство (л. 20—21). Нѣсколько лѣтъ спустя, они взяли 80.000 цекиновъ съ другаго корабля, шедшаго на Востокъ (л. 22).

Въ 1580 г., по предложенію ренегата Мишича, боснійскій Паша пытался овладѣть Сѣнью; но безуспѣшно. Въ то время губернаторомъ Сѣни былъ нѣмецъ Гаспаръ Робъ (л. 22—25).

Въ 1581 году ускоки взяли большой корабль, шедшій съ Востока. Въ числѣ пассажировъ были Турки, Жиды и Дубровничане. Эти послѣдніе сказались Жидами (они были одѣты по восточному). Плѣнныхъ отдали барону Валтасару Ламбергеру — въ то время губернатору Сѣни, и онъ отправилъ ихъ въ Германію. Дубровничане признались въ обманѣ, когда были внѣ опасности (л. 25).

Разсказъ о походахъ ускоковъ продолжается до 27 л. об.

Въ 1583 г. ускоки съ помощью францисканца Ангела, жившаго въ домѣ автора въ Рѣкѣ, пытались овладѣть Клизю; но ихъ планъ былъ открытъ, и до 800 семействъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, принуждены были переселиться въ Рѣку (л. 27).

Въ 1593 г. Асанъ-баша боснійскій задумалъ покореніе ускоковъ; но его сорокотысячная армія была обращена въ бѣгство 800 ускоками (л. 28—29).

Въ 1595 году ускоки взяли Клизу; но Венеціанцы (Бенедетто Моро) помогли Туркамъ возвратить ее (л. 29—30).

Разсказъ о походахъ ускоковъ на Турокъ и Венеціанцевъ (до 1605 г.) продолжается до 46 л.

Листы 46 об.—48 занимаетъ разсказъ о разграниченіи Далмаціи отъ Босны, затѣмъ авторъ говоритъ о достопримѣчательностяхъ Далмаціи (*le meraviglie della Dalmatia*) и сначала описываетъ

ваетъ Задаръ (л. л. 48—50), а потомъ (52—54) Шибеникъ. Въ концѣ 55 л. об. возобновляется исторія ускоковъ, которую доводитъ до 1612 г.

На листахъ 56—58 вставленъ эпизодъ о распрѣ между Венеціанцами и Дубровничанами изъ за Ластова.

Послѣ этого отступленія, возвращаясь опять къ ускокамъ, авторъ говоритъ, что Венеція ежегодно издерживаетъ 300.000 дукатовъ на вооруженія противъ ускоковъ и что нѣкоторые сенаторы предлагали платить имъ субсидіи въ 50—60,000 дукатовъ въ годъ, лишь бы только они оставили въ покоѣ Венецію (л. 60).

Съ 61 л. начинается описаніе Сѣньскаго графства (его естественныхъ богатствъ, состоящихъ изъ минераловъ, кораловъ и т. п.) и нравовъ ускоковъ. Хваля набожность ускоковъ, авторъ говоритъ, что, возвращаясь съ похода, ускоки прежде всего служатъ молебень и часть добычи раздають священникамъ, которые вообще очень бѣдны (64, 70). По словамъ его, чистота нравовъ была доведена до того, что прелюбодѣянне наказывалось смертию (65). Любопытенъ разсказъ объ обычаяхъ христосоваться въ Рождество при пожеланіи: «Боже дай вамъ добаръ Божичъ», и объ обычаяхъ при выкупѣ плѣнныхъ у Турокъ (*non mando il ricatto subito in contanti, ma mando uno ostaggio, et il prigionero torna a casa sua, si riposa 2 o 3 mesi, poi piglia la taglia e la porta al Turco*, л. 66). Въ какомъ почетѣ была у ускоковъ честность видно изъ наказанія, придуманнаго для неисправныхъ должниковъ: имъ повязывали головы платкомъ, какъ женщинамъ, и въ такомъ видѣ выставляли на посмѣшище (л. 69).

Авторъ опровергаетъ, что ускоки дѣлились съ эрцгерцогами добычею: они давали только небольшіе подарки губернаторамъ Сѣни, если были ими довольны, и комиссарамъ, приносявшимъ имъ жалованье (70—71).

Лл. 71—78 занимаетъ разсказъ о Фріульскои кампаніи и о сношеніяхъ д'Оссуны съ ускоками. На слѣд. листѣ читаемъ біографію попа Ангела Джустиніани изъ Шибеника, а на остальныхъ

семи листахъ (86 послѣдній) повѣствуется объ Испанско-Венеціанской войнѣ (д'Оссуна).

Я познакомилъ читателей только съ третьею частію собранныхъ мною во Флорентинскомъ архивѣ матерьяловъ по Славянской исторіи: остальные двѣ трети (болѣе 250 документовъ) относятся къ исторіи *Дубровника*. Ихъ непрерывный рядъ, съ начала XIV по конецъ XVII вѣка, обнимаетъ почти всѣ разсмотрѣнныя нами серіи документовъ, а именно: *Capitoli del comun di Firenze*, *Lettere responsive e missive della Signoria, Legazione, Atti pubblici, Lettere ai e dei Granduchi, Lettere ai Duchi d' Urbino* и *Lettere della Repubblica di Ragusa dell' Archivio Mediceo* (filza 2863). Здѣсь было бы неумѣсто говорить о каждомъ изъ этихъ документовъ въ отдѣльности, на что потребовалось бы много времени и мѣста; но какъ они живо рисуютъ сношенія, доселѣ вовсе неизвѣстныя, — Дубровника съ Флоренціею и Тосканою, — то позволю себѣ познакомить читателей съ наиболѣе важными и любопытными фактами, ими сообщаемыми. Все, что мы знали до сихъ поръ о сношеніяхъ Дубровника съ Флоренціею, ограничивается голословнымъ показаніемъ *Филиппа де-Диверзиса* о важности ихъ взаимной торговли и указаніями іезуита *Иосифа Рики* (*Notizie Istoriche delle chiese Fiorentine, Firenze 1755, t^o 3, p. 166*) на существованіе «въ минувшіе вѣка (ne' secoli passati)» Дубровнической логи (*la loggia detta dei Ragusei*): «на площади Св. Троицы, въ церкви коей онъ нашелъ надгробныя написи Дубровническихъ влстелей, торговавшихъ въ Флоренціи (Марина Джорджича, Луки Николаевича Бунича и Луки Юніевича Бунича) въ XVI вѣкѣ. Кромѣ того, *Аппендини* увѣряетъ, что еще въ его время существовала во Флоренціи «*strada de' Ragusei.*» Фактовъ же мы не имѣли никакихъ.

Древнѣйшій документъ о сношеніяхъ Дубровника съ Флоренціею относится къ 1327 году (*Registrum licterarum et ambatarum 1327—1328, Missive vol. 3*); въ немъ весьма лаконически говорится о постановленіи Синьоріи 20-го января этого года написать вторично, какъ было прежде писано (*sicut olim scriptum*

fruit) «графу, судьѣ, совѣтникамъ и общинѣ города Дубровника (Comiti, Judici, Consiliariis, consilio et comuni civitatis Raugii). Не знаемъ, о чемъ и какъ было *прежде* писано Дубровнику: важно и то, что сношенія существовали *прежде*. Когда же они начались? Едва-ли много позже того времени, когда Дубровничане заключили торговый договоръ съ сосѣднею Пизою т. е. въ концѣ XII вѣка. Документовъ этого времени въ архивѣ не имѣется.

18 января 1365 года Венгерскій король Лудовикъ, подъ покровительствомъ котораго въ то время находились Дубровничане, горячо (studio, quo possumus, ampliori) препоручагь Флорентинцамъ Марина Гучетича (de Goize de Ragusio), «которому ихъ сограждане (conciues) были должны знатную сумму денегъ (sibi satis in magna pecunie quantitate forent debitores).» *Capit. vol. XIV, f. 140 t^o*. А три года спустя (13 июля 1368 г.), онъ просилъ Флорентинскую общину, дабы она понудила Ивана Рамбіо (de Florentia), уплатить тому же Гучетичу должную ему сумму денегъ, вырученную изъ продажи въ Фамогостѣ судна, которымъ они владѣли съобща (тамъ же, XVI, 134).

Въ письмѣ отъ 11 июня 1377 г. Флорентинская община, жалуясь на повышеніе пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Дубровникъ, шедшихъ черезъ него транзитомъ и изъ него вывозимыхъ (6%), просить Дубровницкаго графа и правительство (Comes regimenque Raguse) уравниять (adequare) ихъ пошлины съ Флорентинскими (для чего и препровождаетъ записку о нихъ) или же уменьшить (imminuere), общая въ этомъ послѣднемъ случаѣ взаимность (*Signoria. Missive. I Cancell. Reg^o 17, f°. 115*). А мѣсяцемъ позже (19 июля, XV Индикта), Флорентинская община, изъявляя удивленіе, что, вслѣдствіе наложеннаго на нее папою отлученія, Дубровничане «auctoritate publica» воспретили Флорентинскимъ купцамъ посѣщать ихъ города, — просила ихъ, «какъ братьевъ (fraternitatem vestram)», дозволить Флорентинцамъ оставаться свободно въ Дубровникѣ (in civitate vestra libere permanere) или же, если они рѣшились изгнать ихъ, обождать, пока они покончатъ свои дѣла (тамъ же, 123 об.).

Въ этихъ документахъ Флорентинцы называютъ Дубровничать «mobiles amici karissimi» и «fratres karissimi», что показываетъ ихъ тѣсныя связи. Уже въ это время торговля между ними имѣла значительные размѣры, ибо значительныя суммы находились въ обращеніи. Торговля съ Дубровникомъ была весьма прибыльна для Флорентинцевъ, если они такъ хлопочуть о своихъ купцахъ, прося то объ уменьшеніи пошлинь, то о дозволеніи имъ *жизитъ въ* Дубровникѣ. Мѣры же, принимавшіяся Дубровницкою общиною противъ Флорентинскихъ купцовъ, свидѣтельствуютъ, что ова не дорожила торговлею съ Флоренціею.

Въ то время Флоренція не имѣла еще своего порта, и караваны товаровъ отправлялись въ Анкону, гдѣ были нагружаемы на Дубровницкіе корабли. Въ 1406 году Дубровницкій караванъ, шедшій изъ Анконы съ серебромъ для Флорентинскаго правительства, былъ захваченъ Ламбертомъ и Галеоттомъ Бранкалеонами, владѣтелями Кастельдуранте. Флоренція немедля отправля къ нимъ посла, которому было поручено *«рекомендовать особено Дубровницкихъ купцевъ, которыхъ, по многимъ, полученнымъ отъ нихъ выгодамъ, мы почитаемъ болѣе, чѣмъ нашихъ собственныхъ подданныхъ»* (di raccomandarli insingulariter questi mercatanti di Raugia, i quali per molti benefici ricevuti dalloro riputiamo più che nostri singolari cittadini). И пусть онъ такъ распорядится чтобы товары ихъ и нашихъ купцевъ были пропускаемы безопасно и свободно, безъ всякаго затрудненія, черезъ его владѣнія, ибо *всякое удовольствіе и любезность, оказанныя имъ* (т. е. Дубровничанамъ), *мы будемъ считать нашими собственными* (ognia piacere et cortesia si farà loro lo riputeremo alla Signoria nostra) *Registro d'Istruzioni ad Ambasciatori della Repubblica 1406—1410 vol. XIV, f. 4.* Бранкалеоны отвѣчали послу, *Леонарду Доминиковичу Арриги*. (Leonardo di Domenico Arrighi), что они готовы предоставить это дѣло на благоусмотрѣніе Флорентинцевъ, надѣясь на ихъ справедливость, и въ тоже время сообщали причины, по которымъ Дубровницкій грузъ былъ конфискованъ. Въ отвѣтъ на депешу Арриги Флорентинское правительство пишетъ: «Ты воз-

вратишься снова къ дѣлу о секвестрѣ серебра и каравана Дубровничанъ и скажешь, что мы не отрицаемъ существованія писемъ, отправленныхъ изъ Дубровника и Анконы къ Дубровничкимъ купцамъ, здѣсь пребывающимъ, о посылкѣ имъ помянутаго серебра, — о коихъ упоминаютъ Бранкалеоны; но Дубровничкіе и Анконскіе купцы не знаютъ о контрактѣ, заключенномъ компаніею Сколара и Доффо Спини и Ивана ди Равьери Перуци, нашихъ гражданъ, которые приняли на себя поставку серебра по просьбѣ нашихъ монетныхъ чиновниковъ съ уговоромъ, что помянутые наши купцы принимаютъ на свой рискъ доставку серебра изъ Анконы во Флоренцію. Синьорія, прибавляя что обманъ (frode), если дѣйствительно случился, былъ совершенно противъ ея воли, — предписывала своему послу сначала ласкою (usato ogni dolceza), а потомъ угрозами побудить Бранкалеоновъ немедленно возвратить захваченный грузъ серебра (тамъ же стр. 6 — 7). Но Бранкалеоны упорствовали, и Синьорія принуждена была обратиться къ посредничеству Римскаго сенатора Петра Франциска Бранкалеона, отца Ламберта и дяди Галеотта. 13 февраля 1407 она предписывала посланъ, отправленнымъ къ Папѣ, Якову епископу Фезуланскому, Райнальду Джанфильяцци, Мазію Альбицци, Христофору Спини и Христофору Валле Строцци: «Мы полагаемъ вамъ извѣстно, на сколько Дубровничкіе купцы, пребывающіе въ нашемъ городѣ, были полезны всѣмъ нашимъ гражданамъ, и что они наполнили нашу казну серебромъ такъ, что мы приобрѣли городъ Пизу преимущественно на серебро (quanto e mercatanti da Ragugia, che sono nella nostra città, anno facto utile e sono stati cari e buoni a tutti la nostra cittadinanza, e come essi anno ripieno tutto il nostro comune d'ariento, che quasi in gran parte abbiamo facto l'acquisto della città di Pisa col dicto ariente), привезенное ими; по этому, желая показать имъ нашу благодарность, мы не можемъ отказать имъ, какъ нашимъ хорошимъ гражданамъ, въ покровительствѣ и помощи въ ихъ нуждахъ, преимущественно же въ настоящемъ случаѣ, ибо, если мы не употребимъ всѣхъ возможныхъ для насъ средствъ, они могутъ удалиться изъ нашего города и

направиться въ друія страны, что причинило бы большой ущербъ каждому изъ нашихъ гражданъ, такъ какъ изъ торговель слѣдуетъ приписать процѣтаніе въ нашей общинѣ шерстяныхъ мануфактуръ (sarebbe cagione di diviargli dalla nostra città et andare in altre parti, la quale cosa se avvenisse, sarebbe di troppo danno a ciascheduno nostro cittadino, considerato quanto l'arte della lana relavora di meglio nella comunità nostra per lo loro traffico). Теперь переходимъ къ случившемуся. *Помянутые Дубровницкіе купцы недавно везли въ нашъ городъ около 470 фунтовъ (libbre) серебра, подобно тому, какъ они дѣлали весь годъ.* (Idetti mercatanti di Ragugia facevano condurre pocho passato alla città nostra libbre 470 o circa d'ariento, come hanno facto tutto questo anno). Проходя черезъ владѣнія Петра Франциска изъ Кастельдуранте, вожатаи уплатили пошлины за иные товары, кромѣ серебра, считая его изъятымъ изъ таможенныхъ правилъ: во таможенные чиновники, узнавъ о томъ, что они везли серебро, конфисковали его, какъ контрабанду, вмѣстѣ со всѣмъ караваномъ. Далѣе разсказывается о переговорахъ съ Бранкалеонами, отвѣчавшими сначала обѣщаніями, а потомъ насмѣшками (baffe), чѣмъ была оскорблена Синьорія, приказывавшая своимъ посланцъ въ Римъ отправиться къ Петру Франциску и «сказать ему, что Синьорія наша крайне удивляется отвѣту, данному нашимъ посланцъ его сыномъ и племянникомъ. . . . Такъ не обращаются съ друзьями! и мы не потерпимъ, чтобъ надъ нами издѣвались (essere beffati et vserniti)».... Синьорія надѣется, что онъ прикажетъ возвратитъ ей захваченный грузъ серебра). *Registro di lettere interne ed esterne ad ambasciatori 1406—1409, vol. XIII f. 5—6*). Но ея надежды не оправдались, и она должна была прибѣгнуть къ репрессалиямъ. Въ отвѣтъ на жалобы Бранкалеоновъ, она повѣщала ихъ (отъ 28 марта), что ею дано разрѣшеніе монетнымъ чиновникомъ продать товары подданныхъ Кастельдуранте, на этотъ конецъ конфискованные, если къ 8 апрѣля они, Бранкалеоны, не возвратятъ захваченнаго ими серебра (*тамъ же л 17*). Этимъ и окончилась переписка съ Бранкалеонами.

Съ приобрѣтеніемъ Пизы Флорентинцы рѣшились измѣнить путь, которому слѣдовали товары, шедшіе въ Дубровникъ и изъ него, и посылать туда свои собственные корабли. Въ 1429 году была представлена Синьоріи просьба Доменика Дольфини о дозволеніи ему отправиться въ Дубровникъ для заключенія контрактовъ о поставкѣ во Флоренцію золота, серебра, кожъ, воску и другихъ товаровъ (*che Domenico di Bartolomeo di ser Johanni Dolfini vada a Raugia et ordini con chi vorra conducere alla citta di Firenze oro, argenti, pellami, cera et altre mercatantie a tutte loro spese*). Онъ просилъ кромѣ того, чтобы ему была дана большая галера, вооруженная и снабженная всемъ необходимымъ на счетъ Флорентинской общины, обязываясь въ каждое путешествіе нагружать на нее по крайности тысячу кусковъ купленныхъ имъ Флорентинскихъ шерстяныхъ матерій, не считая иныхъ мѣстныхъ товаровъ, и чтобы онъ былъ освобожденъ отъ всякихъ издержекъ по путешествію какъ въ Дубровникъ, такъ изъ него въ Пизу. Просьба эта была разсмотрѣна особою комиссіею, постановившею по ней рѣшеніе, утвержденное народнымъ собраніемъ (*in consilio populi*) 15 октября VIII Инд. 1429 г., и съ Д. Дольфини былъ заключенъ контрактъ на пять лѣтъ (1430 — 1435 г.), которымъ онъ обязывался въ первый годъ совершить по крайности два путешествія и въ каждое путешествіе нагружать по меньшей мѣрѣ тысячу кусковъ Флорентинскихъ шерстяныхъ мануфактуръ, а консулы обѣщали не заключать въ теченіе этого времени контракта ни съ кѣмъ другимъ. Въ этотъ контрактъ были включены Дубровничане, товары коихъ пользовались тѣми же изъятіями. Но контрактъ этотъ теряетъ силу въ случаѣ, если Венеціанцами будетъ воспрещено плаваніе въ Дубровникъ *Ordini del consolato della nazione fiorentina. Cl. XI. distin. 4. 27 ff. 31—32.*

Въ 1495 году было учреждено въ Дубровникъ Флорентинское консульство, и первымъ консуломъ былъ Яковъ ди Джуліано. Ему предоставлялось право взимать со всякаго тюка товаровъ, шедшихъ изъ Италіи, по 3 аспры, а съ отправляемыхъ изъ Дубровника въ Италію по 5. (Тамъ же, л. 253). Въ 1570 году былъ

составленъ подробный тарифъ для консульства въ Дубровникѣ (*Ordini etc.* № 78, f. 16). Консулы сначала назначались пожизненно, потомъ (въ первой половинѣ XVI вѣка) мѣнялись каждыя три года, а съ 1570 г. оставались «*ad beneplacitum*» великаго герцога Тосканскаго.

Не знаемъ, когда было учреждено *Дубровницкое консульство во Флоренціи и Пизнѣ*; упоминанія о немъ встрѣчаемъ въ актахъ архива съ начала XVI по конецъ XVII вѣка. Дубровницкими консулами были большею частію Тосканскіе нобили, иногда рекомендуемые самимъ великимъ герцогомъ.

Торговля Дубровника съ Флоренціею, процвѣтавшая въ XIV — XVI вв., начинаетъ упадать съ первыхъ годовъ XVII, а съ конца его (послѣ великаго землетрясенія 1667 г.) прекращаются всякія о ней свѣдѣнія. Дубровницкіе купцы постоянно пользовались особымъ покровительствомъ Флорентинской общины, а потомъ великихъ герцоговъ Тосканскихъ: «*Meminimus, cum vestri cives in civitate Florentie gratia mercantie habitarent, писали Флорентинцы Дубровничанамъ въ 1436 г., «continuo benevolentiam, caritatem et justiciam apud nostros homines privatim et publice repperisse (Signoria. Missive vol. XXXIII, ff. 116—117): «Conosceranno in questa mia successione», пишетъ великій герцогъ Тосканскій Дубровничанамъ въ 1587 г., «haver acquistato uno, che in tutte le occorrentie loro si mostrerà sempre propitio et favorevole ne si vedrà mai satio di far loro servitio (Lettere gran Ducali Registro 274, f. 47 t.) и т. д. и т. д. Взаимная дружба влекла за собою взаимныя уступки и изытія: такъ напр. Дубровницкая община въ 1488 году, вслѣдствіе просьбъ Флорентинскихъ купцевъ, постановляетъ взимать съ каждаго тюка ихъ сукопъ (rappi) по два дуката, тогда какъ другія націи платили пошлины 9%, и эта привилегія была въ силѣ еще въ 1542 году (Lettere ai Gran Duchi: Repubblica di Ragusa 1541—1648. Archivio Mediceo filza 2863): такъ напр. мы видѣли уже, что Дубровницкіе товары, привозимые на общественной галерѣ, освобождались отъ ноло, и т. д. и т. д.*

Въ трудныхъ обстоятельствахъ Дубровничане обращались къ великимъ герцогамъ Тосканскимъ за совѣтомъ и помощью, и тѣ были ихъ ходатаями передъ папою и королемъ Испанскимъ (въ 1579 и 1566 г.г.), успокоивали на счетъ притязаній Венеціи (1631 г.), оказывали помощь противъ Турокъ (1646 г.) и посылали субсидіи послѣ землетрясенія, разрушившаго въ 1667 году почти весь городъ. Упомянемъ о двухъ наиболѣе любопытныхъ случаяхъ; 17 іюня 1631 г. Дубровничане, извѣщая великаго герцога Тосканскаго о покушеніи Венеціанцевъ овладѣть островкомъ Кромюю, находящимся въ полумилі отъ города и важномъ въ стратегическомъ отношеніи, просили его помощи и защиты: «на дняхъ», писали они, «капитанъ моря съ тремя галерами и вооруженными барками напалъ на него (островъ Кромю), обнаруживая враждебныя намѣренія противъ самаго города» (*Lettere ai granduchi f-za 2863*). Великій герцогъ отвѣчалъ имъ отъ 8 августа того же года: «я стараюсь въ отношеніи къ вашей Республикѣ поддерживать тѣ самыя добрыя сношенія, основанныя на истинной дружбѣ, которыя всегда существовали между вами и моими августѣйшими предками (io sono per conservare verso cotesta Repubblica quell'istessa buona corrispondenza di vera amicitia, che é sempre passata fra lei et i miei serenissimi antecessori), какъ вы могли видѣть во всѣхъ случаяхъ нужды (di interesse). Услышавъ съ большимъ неудовольствіемъ о неожиданно случившемся относительно островка Кромы, не могу вѣрить, чтобы Венеціанская республика въ настоящія времена имѣла подобные планы; тѣмъ не менѣе, гдѣ только мои услуги (offitii) могутъ быть вамъ полезны, будьте увѣрены, употреблю ихъ охотно, желая оправдать ваше довѣріе къ моей привязанности (affetto) къ вашей Республикѣ» (*Minute delle lettere granducali filza 153, c. 383*).» Въ 1646 году Дубровникъ, опасаясь нападеній Турокъ, выписывалъ изъ Флоренціи военные снаряды для защиты города (*Lettere ai gr. d. f-za 2863*).

Случались неизбежно и недоразумѣнія между Дубровникомъ и Флоренціею. Такъ напр. въ 1562 г. великій герцогъ жало-

вался, что Дубровницкое правительство не дозволило Филиппу Сальвиати вывезти съ Востока хлѣбъ на Дубровницкихъ корабляхъ, и Дубровникъ объяснялъ ему, что иначе не могъ поступить, ибо султанъ, подъ страхомъ потери груза и плѣненія воспретилъ Дубровничанамъ вывозъ изъ его владѣній хлѣба (*тамъ же*). Такъ позже, въ февралѣ 1640 года, Тосканскій капитанъ Валентинъ Валентини, комендантъ бертона «Santo Rosso» захватилъ въ портѣ Млоса, въ Архипелагѣ, Дубровницкій корабль съ Турецкимъ грузомъ: Дубровничане, ссылаясь на буллу Папы Пія V отъ 16 декабря 1566 г., дозволявшую имъ торговлю съ Турками даже въ военное время, и оправдываясь своими отношеніями къ султану, требовали возвращенія груза и наказанія Валентини за оскорбленія и убытки, нанесенные Дубровницкому экипажу. Переписка объ этомъ дѣлѣ хранится въ Медичейскомъ архивѣ (filza 2863).

Въ 1654 году Дубровницкій консулъ во Флоренціи, маркизь Сципионъ Каппони, получалъ приказаніе отъ своего правительства вступить въ *тайные* переговоры по какому-то важному дѣлу съ самимъ великимъ герцогомъ, которому отъ 15 декабря того же года писали Дубровничане: «Августѣйшій домъ Вашей Свѣтлости оказывалъ всегда великодушное покровительство нашей республикѣ и пр., а потому В. Св. соизволите дать (консулу нашему, маркизу Каппони) благосклонную и *секретную* аудіенцію (*grata e secreta udienza*) и вѣрить ему, какъ намъ самимъ, ибо *подобная милость послужитъ не только къ спасенію нашей республики, но и къ славѣ благословеннаго Бога* (*dovendo ruiscire simil favore e gratia non solo a perservatione di questa Republica, ma a gloria di Dio benedetto*).» Каппони получилъ искомую секретную аудіенцію, за каковую Дубровничане благодарили великаго герцога письмомъ отъ 7-го мая 1655 г. (*тамъ же*); но въ чемъ заключалось данное ему тайное порученіе, остается для насъ загадкою ибо въ бумагахъ Архива не сохранилось объ этомъ никакихъ свѣдѣній.

